

МИФОРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ "ПРЕКРАСНАЯ ДАМА" В СТРУКТУРЕ АВТОРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (на материале дневников А.А. Блока)

MYTHOREALISTIC CONCEPT OF 'BEAUTIFUL LADY' IN THE STRUCTURE OF THE AUTHOR'S IDENTITY (based on the diaries of Alexander Blok)

*D. Minets
A. Gorushkina*

Annotation

In the framework of this article discusses the diaries of A. Blok 1901–1921., reflecting the process of self-identification of the writer. The basis of the personal identity of the author in the text, constitute the conceptual dominant of the "Beautiful Lady", "Art" ("Creativity"), "Intelligentsia", with the first being the basis of vital-creative strategy, gipertonicescomu performs the function of determining the attitude to the other. For 20 years under the influence of various socio-cultural situations of Blok's "self-concept" is undergoing significant changes. The vector of these changes demonstrates the complex evolution of the author's "I". The model of the author's identity is defined by the following bi-directional communication vectors: 1) "I" – "It", "I" – "Other" as a marker of social position obstreperousness Blok (single => group => ontological opposition); 2) "I" – "another me" as a marker reflective of autocommunication; 3) "I" – "We" as a marker of group self-categorization.

Keywords: social and personal identity, avtodokument, diary, vital-creative strategy, concept.

*Минец Диана Владимировна
К.филол.н., доцент,
Череповецкий государственный
университет
Горушкина Анна Валентиновна
Аспирант,
Череповецкий государственный
университет*

Аннотация

В рамках настоящей статьи рассматриваются дневники А.А.Блока 1901–1921 гг., отражающие процесс самоидентификации пишущего. Основу персональной идентичности автора в тексте составляют концептуальные доминанты "Прекрасная Дама", "Искусство" ("Творчество"), "Интеллигенция", причем первая, будучи основой жизнотворческой стратегии, выполняет гипертоническую функцию, определяя отношение и к остальным. В течение 20 лет под влиянием различных социокультурных ситуаций блоковская "Я-концепция" претерпевает существенные изменения. Вектор этих изменений демонстрирует сложную эволюцию авторского "я". Модель авторской идентичности определяется следующими разнонаправленными коммуникативными векторами: 1) "Я" – "Она", "Я" – "Другие" как маркер позиционной социальной абстрагированности Блока (единичная => групповая => онтологическая оппозиции); 2) "Я" – "другой Я" как маркер рефлексивной автокоммуникации; 3) "Я" – "Мы" как маркер групповой самокатегоризации.

Ключевые слова:

Социальная и персональная идентичность, автодокумент, дневник, жизнотворческая стратегия, концепт.

Дневники Александра Блока 1901 – 1921 гг. неоднородны по своей структуре. Кроме собственно дневниковых записей, туда входят фрагменты записных книжек, черновики неотправленных писем. В дневниках поэта нашли отражение события литературной жизни того времени, личная драма, а также творческие идеи и наработки новых произведений. Обывателю поэт известен прежде всего циклом "Стихи о Прекрасной Даме", главным текстом его жизни, состоящим из стихотворений 1899–1902 гг. и отражающим романтически возвышенное мироощущение автора, находящегося в мистическом ожидании встречи с прекрасной возлюбленной, Вечной Женственностью, Прекрасной Дамой, эстетическим протоидеалом которой стала Л.Д. Менделеева, крайне мифологизированный и опозитизи-

рованный образ русской лирики.

Продолжительный временной диапазон автодокумента позволяет не только воссоздать контекст эпохи, но и проследить изменение его восприятия автором, увидеть эволюцию внутреннего мира поэта [4, с. 5]. Фрагментарность дневников выражается и в разного рода интервалах между записями (от нескольких дней до нескольких лет), и в жанровом формате записей (публикационные фрагменты, письма, непосредственно дневниковые записи), и в нарушении хронологического порядка (сосуществование в пределах нескольких страниц фактов реального для автора времени и явлений прошлого, зафиксированных в виде воспоминаний). Эта чисто внешняя черта, отражающая закономерность оформления текстового материала, в определенной сте-

пени также может являться способом репрезентации авторского начала [7, с. 113; 15, с. 5]: стихийный характер записей как свидетельство внутренней дисгармонии пишущего.

Основу персональной идентичности автора в тексте составляют следующие концептуальные доминанты: "Прекрасная Дама", "Искусство" ("Творчество"), "Интеллигенция". Наиболее частотными способами самоидентификации авторского "я" являются взаимоотношения с Л.Д.Менделеевой и отношение к искусству, творчеству.

Прекрасная Дама как воплощение божественного начала и Вечной Женственности во многом определила мироощущение поэта. В дневниках этот конструкт не остается неизменным, а подвергается трансформации – от Вечной Женственности, Вечной Жены до его конкретного, очеловеченного эквивалента. Л.Д. Менделеева (Прекрасная Дама) – важный маркер самоидентификации А. Блока.

Первые дневниковые записи 1901 – 1902 гг. соответствуют начальному этапу взаимоотношений А.Блока и Л.Менделеевой. Именно поэтому не является случайным использование лексических единиц с семантикой "неполнота проявления признака", "уменьшительность" (диминытивы, иначе – слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами), "детальность", доминируют лексемами с "символистскими" коннотациями: "Показывалась Ваша фигура – Ваши линии, так давно знакомые во всех мелочах, изученные, с любовью наблюденные. На Вас бывала, должно быть, полумодная шубка с черным мехом, не очень новая; маленькая шапочка, под ней громадный, тяжелый золотой узел волос – ложился на воротник, тонул в меху. Розовые разгоревшиеся щеки оттенялись этим самым черным мехом. Вы держали платье маленькой длинной согнутой кистью руки в черной перчатке – шерстяной или лайковой. В другой руке держали муфту, и она качалась на ходу. Шли быстро, немного покачиваясь, немного нагибаясь вправо – влево, смотря вперед, иногда улыбаясь..." [3, 29 августа 1902г.]. "Менделеевский" нарратив на этом этапе – это "Вы"–дискурс. Для него их встречи – нечто необыкновенное, очень важное, для нее же – "мимолетны" [3, 29 августа 1902г.]. На диминытивах следует остановиться особо: они – неотъемлемая часть женской идентичности возлюбленной [1, Р. 7467].

А.Блок именует себя рабом Прекрасной Дамы, нарочито демонстрируя свою зависимость от нее: "Я стремлюсь давно уже как-нибудь приблизиться к Вам (быть хоть Вашим рабом, что ли, – простите за тривиальности, которые не без намеренья испещряют это письмо)" [3, 16 сентября 1902г.]. В дневниковых посланиях к ней доминируют глаголы уничижительной семантики: "Мне было бы страшно остаться с Вами. На всю жизнь – тем более. Я и так иногда боюсь, и дрожу при Вас незримой. Могу или лишиться рассудка, или самой жизни", "И все больше дрожу и дрогну" [3, 16 сентября 1902г.]. Перифрастические номинации, использованные в записях

периода 1901–1909 гг., – яркая иллюстрация общесимволистского мистического контекста, обусловленного влиянием идеалистической философии: "земное воплощение пресловутой Пречистой Девы или Вечной Женственности" [3, 16 сентября 1902г.]; "прошедшее, святое место души" [3, 23 сентября 1909г.]. Иными словами, этот период примечателен для Блока тем, что "вспыхнувшее в нем с огромной, всепоглощающей, страстно-напряженной силой любовное чувство к Л.Д. Менделеевой сочеталось с мистической настроенностью, с увлечением идеалистической философией, учением Платона, воспринятым в духе высказываний Владимира Соловьева <...> В поэзии Вл. Соловьева "вечно женственное" трактуется как явление космического масштаба и осмысливается как новый религиозный культ, что полностью отвечало взглядам и переживаниям юного Блока" [13, с. 15]. Эта мысль находит подтверждение в дневниковых записях: "Собирая "мифологические" матерьялы, давно уже хочу я положить основание мистической философии моего духа. Установившимся наиболее началом смело могу назвать только одно: женственное <...> Я, как мужской коррелят "моего" женственного [3, 26 июня 1902г.].

Таким образом, уже записи 1901–1902 гг. содержат семантическую оппозицию "Я" – "Она", обусловленную противопоставлением автора и его возлюбленной по бинарному критерию "земное – божественное". В этих записях женское начало – символ таинственного, мистического, вечного: "В знаменья видел я вещей сон. Что-то порвалось во времени, и ясно явилась мне Она, иначе ко мне обращенная, – и раскрылось тайное. <...> А она все протягивала руки, и занялось сердце. И в эту секунду, на грани ясновиденья, я, конечно, проснулся" [3, 26 сентября 1901г.]. Доминирующая эмоциональная тональность – преклонение, благоговение, священный трепет, но – как следствие – и осознание невозможности сближения с объектом. Автор нарочито подчеркивает дистанцию между собой и Прекрасной Дамой.

Радикальное изменение ситуации отмечается с 1909 г. Разочарование в культе Прекрасной Дамы приводит не только к утрате романтического ореола, созданного вокруг Л.Менделеевой, но и к разрушению созданной А.Блоком житнетворческой стратегии, что приводит к осознанию себя обманутым и обманувшимся, разуверившимся в своем идеале человеком: "Когда я влюбился в те глаза, в них мерцало материнство <...>. И все это было обманом" [3, 11–12 июня 1909г.].

С 1910 года в текстах наблюдается нарочитое семантическое снижение образа, совпадающее с известными событиями в биографии А. Блока и Л. Менделеевой. Отныне она уже просто "Люба" или же "Любанька", реже – просто "милая". Лексика поэтического стиля с мистическими коннотациями уступает место бытовой, причем эта тенденция распространяется и непосредственно на образ Л.Д. Менделеевой: "Люба в новой лиловой бархатной шубке"; "Растрепа, совершенно гряз-

ные ручонки"; "Моя милая вечером в белом купальном халатике, тихонькая, пила со мной чай".

Постепенно в текстах начинают доминировать глаголы, акцентирующие негативные проявления тех или иных признаков у некогда Прекрасной Дамы: "Люба довела маму до болезни. Люба отогнала от меня людей, Люба создала всю ту невыносимую сложность и утомительность отношений, какая теперь есть. Люба выталкивает от себя и от меня всех лучших людей, в том числе – мою мать, то есть мою совесть. Люба испортила мне столько лет жизни, измучила меня и довела до того, что я теперь" [3, 18 февраля 1910г.]. Данная и многие другие однотипные с ней сложные синтаксические конструкции состоят из ряда двусоставных предложений с прямым порядком слов, отчего высказывания приобретают констатирующий, утвердительный, безапелляционный характер.

Теперь это уже не Прекрасная Дама, не идеальная женщина: "Люба, как только она коснется жизни, становится сейчас же таким дурным человеком, как ее отец, мать и братья. Хуже, чем дурным человеком, – страшным, мрачным, низким, устраивающем каверзы существом, как весь ее поповский род" [3, 18 февраля 1910г.]. Градация в пределах одного сложного синтаксического целого ряда однородных членов с отрицательной оценкой разрушает сформированный дневниковыми записями начального периода знакомства А.Блока с Л.Менделеевой образ Вечной Женственности.

Прекрасная Дама обретает зримые черты, и в основе отторжения поэта лежит невозможность принять земное существо возлюбленной: "Я вне себя уже. Пью коньяк после водки и белого вина. Не знаю, сколько рюмок коньяку. Тебе назло, трезвый (теперь я могу говорить с тобой с открытым лицом – узнаешь ли ты меня? Нет!!!)" [3, 20 января 1910г.]. Данный фрагмент отражает наивысшую точку напряжения в личных взаимоотношениях А.Блока и Л.Менделеевой: реализм начинает доминировать над мистикой и символизмом. Разрыв взаимоотношений с Л.Д. Менделеевой меняет авторскую позицию по отношению к действительности, в письме к Н.Н.Волоховой он напишет: "...Я пишу Вам бесконечно усталый, эти дни – на сто лет старше Вас" [3, 4 декабря 1911г.]. Локальная дихотомия "я – Она" расширяется до онтологических и метафизических "я – другие", "я – мир": "В душе у меня есть темный угол, где я постоянно один, что иногда, в такие времена, как теперь, становится тяжело" [3, 4 декабря 1911г.].

Взаимоотношения между А.Блоком и Л.Менделеевой нестабильны, изменчивы, что находит и текстовое воплощение [14, с. 2016: 583–584]. Сам Блок определяет их оценочным прилагательным "ужасные"; процессуальные характеристики (в том числе – выстроенные по модели отрицания) усугубляют эту оценочность: "Люба опять обманывает меня", "Люба все уходит из дому – часто", "Люба продолжает относиться ко мне дурно" [3, 11 октября 1912г.]. Любви Дмитриевне неприятен даже

тот факт, что в заметке газеты "Речь" о Териокском предприятии она упомянута как "жена поэта" [3, 28 мая 1912г.]. Сам поэт в дневнике запишет: "7-го ноября вечером меня "с супругой" зовут в "Аполлон" слушать чтение стихов "Цеха поэтов"". Закавыченный перифраз подчеркивает, насколько сильно трансформировался как исходный идеал, так и его земное воплощение (согласно версии А.Блока, Л.Д.Менделеева не выполняет роли добропорядочной жены, супруги, впрочем, как и он сам). Он мало времени уделяет жене, предпочитая проводить время с другими женщинами, нередко появлялся дома лишь под утро, а Л.Д. Менделеева в свою очередь уходит к Андрею Белому. В то же время в записях этого же периода Блок не отрицает нежных чувств к ней: "Может быть, только я один люблю мою милую, но не умею любить и не умею помочь ей". И в пределах все того же текстового фрагмента он пишет, что она "мучит и разрывает" его. Контрастная оценочность на текстовом уровне подтверждает факт грядущей драмы семьи Блок-Менделеева.

В записях 1914 года Блок начинает ностальгировать о прошлых чувствах, которые вызывала в нем Л.Д.Менделеева: "Перевожу, хожу по тем местам, где я когда-то, в молодости, тосковал о Любе, а после – скучал с ней. Как сладостно" [3, 16 июня 1914г.]. В таких фрагментах вновь начинает доминировать исчезнувшая к 1913–1917гг. поэтическая лексика соответствующей тональности. К 1916 г. А.Блок окончательно устает от сложностей, возникших в отношениях с Л. Менделеевой: "Ночью: из комнаты Любы до меня доносится: "Что тебе за охота мучить меня?..". Я иду с надеждой, что она – сама с собой обо мне. Оказывается – роль. Безвыходно для меня. Устал, довольно" [3, 1 июля 1916г.]. Модальный и глагольный ряд требует логического завершения сюжета, фрагмента и синтаксической конструкции, однако в записях 1917 г. вновь появляется тень Прекрасной Дамы, что была прежде: "Как мне в такие дни нужна Люба, как давно ее нет со мной. Пожить бы с ней; так, как я, ее все-таки никто не оценит – все величие ее чистоты, ее ум, ее наружность, ее простоту" [3, 21 мая 1917г.].

Из тяжелого психологического состояния поэта не выводят ни связи с другими женщинами, ни творчество. Переживание исходного состояния вновь приводит поэта к восстановлению картины взаимоотношений с той, что была Прекрасной Дамой, однако теперь – без пламенного восторга, более сдержанно. Для записей 1918г. характерен высокий процент субъективности в сравнении с фактологичностью записей прошлых лет. Воссоздавая историю любви, автор возвращается кначальному периоду взаимоотношений с Менделеевой (1987 – 1901 гг.): "К концу 1900 года растет новое. Странное стихотворение 24 декабря ("В полночь глухую..."), где признается, что Она победила морозом эллинское солнце во мне (которого не было). <...> В конце января и начале февраля (еще – синие снега около полковой церкви, – тоже к вечеру) явно является Она. <...> И Она уже в дне,

т.е. за ночью, из которой я на нее гляжу. То есть Она предана какому-то стремлению и "на отлете", мне же дано только смотреть и благословлять отлет]" [З, 30 августа 1918г.]. В этих фрагментах записных книжек зримая фигура Менделеевой появляется в предпоследний раз.

В записях 1919г. Блок де-факто ставит точку в отношениях с Любовью Дмитриевной, подводя итог почти двадцатилетнему мистическому опыту: "Да, когда я носил в себе великое пламя любви, созданной из тех же простых элементов, но получившей новое содержание, новый смысл от того, что носителями этой любви были Любовь Дмитриевна и я – "люди необыкновенные"; когда я носил в себе эту любовь, о которой и после моей смерти прочтут в моих книгах, – я любил прогарцевать по убогой деревне на красивой лошади; я любил спросить дорогу, которую знал и без того, у бедного мужика, чтобы "пофорсить", или у смазливой бабенки, чтобы нам блеснуть друг другу мимолетно белыми зубами, чтобы ёкнуло в груди так себе, ни отчего, кроме как от молодости, от сырого тумана, от ее смуглого взгляда, от моей стянутой талии, и это ничуть не нарушало той великой любви (так ли?) а, напротив, – раздувало юность, лишь юность, а с юностью вместе раздувался тот "иной" великий пламень..." [З, 6 января 1919г.]. Этот объемный текстовый фрагмент крайне важен для понимания блоковской концепции Прекрасной Дамы: в нем намеренно сталкиваются лексика разных стилей, разных коннотаций, разной экспрессивной тональности. "Великий пламень любви" и "люди необыкновенные" в пределах периода соседствуют с шутивными "прогарцевать", "пофорсить", "блеснуть". Вставочная конструкция, являющая собой по структуре риторический вопрос (основной вопрос творческой биографии Блока: "так ли?"), наглядно демонстрирует, насколько ошибочной была эта жизнетворческая концепция поэта: текстовая модель Прекрасной Дамы продемонстрировала свою несостоятельность раньше реальной еще в поэзии, а автодокумент лишь зафиксировал развенчание последней.

Рассматривая дневники как единый монолитный текст, можем интерпретировать образ Прекрасной Дамы как ключевой, лежащий в основе замкнутого композиционного круга: это обусловлено возвращением к начальному образу Души Мира. Сам А.Блок оказывается в этом замкнутом пространстве, что в очередной раз подчеркивает его фатальную зависимость от Прекрасной Дамы даже после того, как ее мифический образ был им же развеян. Это в свою очередь отразилось и на авторской самоидентификации.

Вторым наиболее актуальным маркером авторской идентичности в дневниках является отношение Блока к искусству. Следует обратить внимание на то, что в блоковских записях нередко концепты "Женщина" и "Искусство" ("Творчество") образуют некий синтез, в котором трактовка одного компонента становится невозможной без учета другого: "Сегодня я буду у Мережков-

ских. Да неужели же и я подхожу к отрицанию чистоты искусства, к неумолимому его переходу в религию. <...> Что ж, расплывусь в боге, разольюсь в мире и буду во всем тревожить Ее сны" [З, 2 апреля 1902г.]. Авторская рефлексия проявляет себя в двух векторах профессиональной идентичности: 1) через анализ собственного творчества; 2) через выражение личного отношения к творчеству других художников.

В первом случае дневниковые записи характеризуются повышенным уровнем авторефлексии. Эта тенденция наиболее характерна для ранних записей. Так, в дневниках 1906г. он отмечает: "Со мною бывает часто, все чаще физическое томление. Вероятно, то же у беременных женщин: проклятие за ношение плода; мне проклятие за перерождение" [З, 21 декабря 1906г.]. Трактовка творческого процесса как мучения, проклятия и в то же время акта материнства была свойственна многим художникам, Блок в этом смысле не был исключением. Кроме того, данная запись отличается значительной долей самокритики: "Стихами своими я недоволен с весны. <...> Стихи уж писал так себе, полунужные" [З, 21 декабря 1906г.]. Самокритика станет важным вектором самопрезентации пишущего. В записи 1911 г. Блок записывает: ""Честным" трудом литературным прожить среднему и требовательному писателю, как я, почти невозможно. Посоветуйте же мне, милые доброжелатели, как зарабатывать деньги; хоть я и ленив, я стремлюсь делать всякое дело как можно лучше. И, уж во всяком случае, я очень честен" [З, 15 октября 1911 г.]. Личностная (персональная) и социальная (профессиональная) идентичность в последних записях примет однонаправленный нисходящий характер развития: "Свежесть уже не та, не первоначальная. <...> Лучшими останутся "Стихи о Прекрасной Даме". Время не должно тронуть их, как бы я ни был слаб как художник. <...> Поэма остается неоконченной. Техника того, что написано последним, слабовата уже" [З, 28 июня 1916г.].

Модель социальной идентичности автора строится на дихотомии "я – другие". Впервые это фиксируют записи 1909г.: "...Я думаю о том, что вот уже три-четыре года я втягиваюсь незаметно для себя в атмосферу людей, совершенно чужих для меня, политиканства, хвастливости торопливости, гешефтмахерства"; "Хотел бы много и тихо думать, тихо жить, видеть немного людей, работать и учиться. Неужели это невыполнимо?" [З, 11-12 июня 1909г.]. Неприятие литературного окружения Блоком может быть обусловлено его разрывом с символизмом. В дальнейшем это отношение становится более экспрессивным.

За довольно значительный временной интервал творчество А. Блока переживает сложную эволюцию. От символизма и мистики стихов о Прекрасной Даме, которые автор считал лучшими в своем творчестве, он постепенно приходит к осмыслению реальной действительности, нарочито противопоставляя себя той писательской среде, что в период активизации революцион-

ных настроений пыталась уйти в "надмирные" сферы искусства. Такая позиция ведет его к тому, что он, будучи одним из представителей символизма, отказывается от него, отдавая предпочтение реалистическому осмыслению действительности: "Пора развязать руки, я больше не школьник. Никаких символизмов больше один, отвечаю за себя, один – и могу еще быть моложе молодых поэтов "среднего возраста", обремененных потомством и акмеизмом" [3, 10 февраля 1913г.]. Маркером окончательного разрыва с творческой средой и максимального абстрагирования от действительности является запись 1916г.: "С "литературой" связи я не имею, и горжусь этим. То, что я сделал подлинного, сделано мною независимо <...> Драма о фабричном возрождении России ... завещается ... такому же, как я, неприкаянному" [3, 28 июня 1916г.].

Таким образом, на протяжении 1909–1916гг. творческая изоляция автора усиливается. При этом надо отметить, что стратегия социальной категоризации [2, Р. 77–121] в дневниковых записях с 1901–1920 гг. обнаруживает себя всего 4 раза. Первое упоминание связано с актуальным для Блока вопросом о судьбе интеллигенции и предваряет появившуюся значительно позже статью "Интеллигенция и революция". Однако существенная разница когнитивных сценариев названных текстов заключается в том, что в дневнике, в отличие от публицистической статьи, фиксируется подчеркнутая принадлежность Блока к классу интеллигенции, определенная и соответствующее отношение к положению этой социальной страты в период революционных событий: "Я знаю, что здесь соберутся цвет русской интеллигенции и цвет церкви, но и я интеллигент <...>. Я хочу, чтобы зерно истины, которое я, как один из думающих, мучающихся и т.д. интеллигентов <...> И главное, что я хотел сказать, это то, что нам, интеллигентам, уже нужно торопиться..." [3, 29 октября 1908г.].

Во втором упомянутом нами случае местоимение "мы" определяет круг современников и не включает в себя иных коннотаций: "Весьма вероятно, что наше время – великое и что именно мы стоим в центре жизни..." [3, 17 октября 1911г.].

Третья запись подобного рода отличается большей экспрессивностью и отражает авторское обоснование отмежевания от символизма: "'Символическая школа' – мутная вода... Когда мы ("Новый путь", "Весы") боролись с умирающим, плоско-либеральным, псевдореализмом, это дело было реальным, мы были под знаком Возрождения. Если мы станем бороться с неопределенным и, может быть, своим (!) Гумилевым, мы попадем под знак вырождения. <...> Мы русские" [3, 17 апреля 1912г.]. Финальная реплика эксплицирует национальную (этническую) идентичность, нейтрализуя различия профессиональных субидентичностей.

Последняя запись, тематически соотносимая с приводимой выше, также основывается на стратегии социальной категоризации, но приобретает негативную

оценку: "Мы – дрянь, произведения буржуазии... Мы не имеем понятия о деньгах (обеспечены). Полная непригодность к жизни. Нас – меньшинство, но мы – распоряжаемся (в другом лагере современной молодежи) ..." [3, 31 января 1918г.].

Действие "Мы-концепции" охватывает в первую очередь социальную, политическую и культурно-историческую сферы в сегменте классовой принадлежности ("мы – интеллигенты"), национальной идентичности ("мы – русские"), темпоральной ("мы – свидетели времени") и профессиональной отнесенности (журналы "Весы" и "Новый путь" как метонимические перифразы символистского течения). Семантическая оппозиция "Я" – "Мы" по количеству репрезентаций значительно уступает выше рассмотренным "Я" – "Она" и "Я" – "Другие". Этот факт является еще одним свидетельством подчеркнутой "выключенности" автора из культурного и социального контекста в последние годы жизни: "Я – "одичал": физически (обманчиво) крепок, нравственно расшатан (нейрастения – д-р Каннабих). Мне надо заниматься своим делом, надо быть внутренне свободным..." [3, 14 апреля 1917г.]. Кризис идентичности (социальной и личной) фиксируют записи, подобные следующей [16]: "Я каждые полгода собираюсь самоубиться" [3, 31 января 1918г.].

Таким образом, модель авторской идентичности определяется следующими разнонаправленными коммуникативными векторами (Minets 2016: 7473):

1. "Я" - "Она", "Я" - "Другие" как маркер позиционной социальной абстрагированности Блока (единичная => групповая => онтологическая оппозиции);
2. "Я" - "другой Я" как маркер рефлексивной коммуникации;
3. "Я" - "Мы" как маркер групповой самокатегоризации.

В статистическом отношении два первых коммуникативных вектора преобладают над третьим: см. **Рис. 1**.

Таким образом, дневники А. Блока 1901 – 1921 гг. представляют собой уникальный документ: в них находят отражение процесс самоидентификации пишущего. Основу персональной идентичности автора в тексте составляют концептуальные доминанты "Прекрасная Дама", "Искусство" ("Творчество"), "Интеллигенция", причем первая, будучи основой жизнетворческой стратегии [8, с. 178–183], выполняет гиперонимическую функцию, определяя отношение и к остальным. В течение 20 лет под влиянием различных социокультурных ситуаций блоковская "Я-концепция" претерпевает существенные изменения. Вектор этих изменений демонстрирует сложную эволюцию авторского "я" от символиста до реалиста, от кумира поколения до одинокого и большого человека, чья жизнетворческая концепция оказалась ошибочной. Текстовая модель Прекрасной Дамы проде-

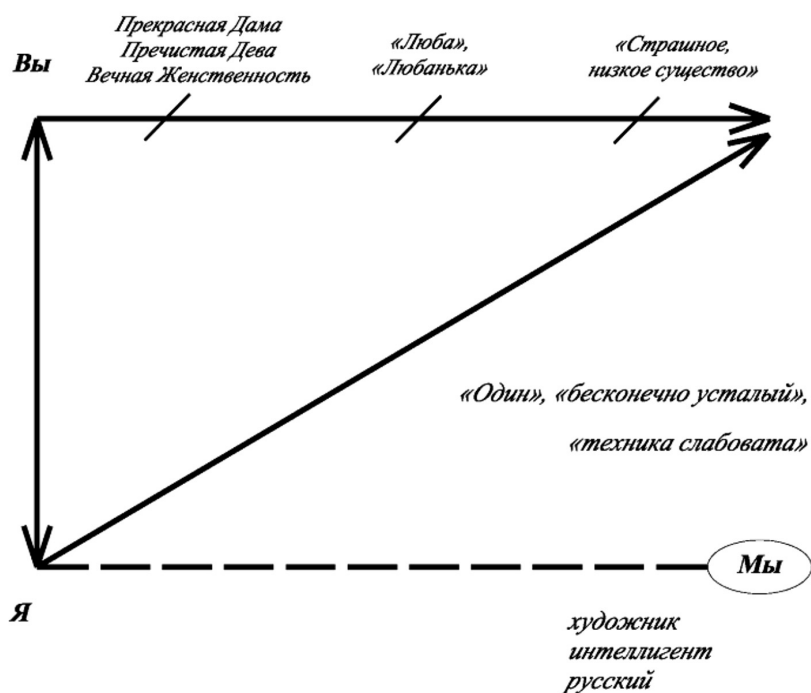

Рисунок 1. Модель идентичности А. Блока в дневниках 1901-1921гг.

монстрировала свою несостоятельность раньше реальной еще в поэзии, а автодокумент лишь зафиксировал

развенчание последней и вместе с ней и кризис авторской идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Minets D. Mythorealistic Concept of 'Beautiful Lady' in the Structure of the Author's Identity (Based on the Diaries of Alexander Blok) // International Journal of Environmental and Science Education, 2016, № 11(15). P. 7465–7475.
2. Turner J. Social Categorization and Self-concept: A social cognitive theory of group behaviour // Advances in group processes. London, 1985. P. 77–121.
3. Блок А.А. Собр. соч. в 6 томах / Под общ. ред.: М.А. Дудина, В.Н. Орлова, А.А. Суркова. Т.5: Лирическая проза. 1906–1921. Автобиография. 1915. Из дневников и записных книжек. 1901–1921. Последние дни имперской власти. 1918 / Сост. В. Орлова; примеч.: И. Исакович, В. Орлова; подгот. текста И. Исакович. Л., 1982.
4. Звонарева Ю.В. Лингвистические средства идентификации личности в литературной автобиографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск: ЧГУ, 2013.
5. Концептуализация языковой личности в различных типах дискурса: Коллективная монография / С.Ю. Лаврова, Д.В. Минец, Е.О. Бирюкова, К.А. Елистратова; отв. ред. С.Ю. Лаврова. Череповец: ЧГУ, 2012.
6. Кутковая Е.С. Сравнительный анализ дискурсивного и нарративного подходов к исследованию идентичности: Автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 2016.
7. Лицук Ж.В. Серебряный век в мемуарах и автобиографиях современников / Ж. В. Лицук // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки, 2012. № 3 (106). С. 112–126.
8. Минец Д.В. Концепты идентичности в "Сводных тетрадах" М.И. Цветаевой: гендерный аспект // Казанская наука. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2012. № 2. С. 178–183.
9. Мухина В.С. Проблемы генезиса личности. М., 1985.
10. Радзиевская Т.В. Ведение дневника как вид коммуникативной деятельности // Референтия и проблемы текстообразования. М., 1988. С. 112–119.
11. Савкина И. Л. "Пишу себя...": Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Tampere, 2001.
12. Савкина И. Теории и практики автобиографического письма // Новое литературное обозрение, 2008. № 92. С. 284–289.
13. Соловьев Б.И. Александр Блок / Вступит. статья // А.Блок. Собр.соч. в 6-ти т. М., 1971. Т.1. С. 5–36.
14. Тарасова И.В., Минец Д.В. Лексико-семантические трансформации образа Л.Д. Менделеевой в дневниках А.А. Блока / Тарасова И.В., Минец Д.В. // Молодые исследователи – регионам: материалы Международной научной конференции (Вологда, 20–21 апреля 2016 г.): в 3 т. / М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т; [отв. ред. А. А. Сеницын]. Вологда: ВоГУ, 2016. Т.2. С. 583–584.
15. Шлыкова Ю.Б. Переживание личностью смысла бытия и тип автобиографического текста: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар: КГУ, 2006.
16. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М., 2007.